

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

М.И. Воейков

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы экономической интерпретации Великой Русской революции. Доказывается, что она в целом носила буржуазно-демократический характер, включала два этапа: февраль и октябрь. Никаких объективных оснований для объявления октябрьской революции социалистической не было, ибо капитализм в России к началу XX в. только начал складываться. Дальнейшее развитие страны проходило в рамках буржуазной стадии развития. Тем не менее революция означала переломный момент российской истории, переход от монархического государственного устройства к республиканскому.*

***Ключевые слова:** Русская революция, капитализм, аграрный строй, община, товарное производство, рабочий класс, советская власть.*

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института экономики РАН.

M.I. Voeikov. The Russian Revolution of 1917: The Socio-Economic Problems

***Abstract.** The article deals with the problems of economic interpretation of the Great Russian Revolution. It is proved that generally the Revolution was bourgeois-democratic and consisted of the two phases: February and October. There were no objective grounds to declare the October revolution as the socialist one, because capitalism in Russia had just begun to shape only by the beginning of the 20th century. Then the further growth of the country went on within the framework of the bourgeois stage of development. However, the revolution as a whole is of a great historical significance. The Revolution in Russian history indicated the turning point in transition from a monarchic state system to a republican one.*

***Keywords:** The Russian revolution, capitalism, the agrarian system, the community, commodity production, the working class, the Soviet government.*

Voeikov Michail Illarionovitch – Doctor of Economic sciences, Professor, Head of the section of The Institute of Economics, RAS.

100 лет назад царь Николай II отрекся от престола. Это стало кульминационным моментом Русской революции. Великая Российская (или Русская) революция, как бы к ней ни относиться, означала перелом в общественном развитии России. Нас учили, что в феврале 1917 г. произошла буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года – социалистическая, после которой началось и осуществилось строительство социалистического общества в нашей стране.

Более 70 лет в России существовал так называемый «государственный социализм» со всеми его плюсами и минусами. Корни его, несомненно, восходят к 1917 г., к характеру самой Русской революции. Следует оставить вне рассмотрения утверждения того рода, что революция в России была искусственно навязана русскому народу, что это была беда для России, что революция увела страну в сторону от мировой цивилизации. Конечно, ни один серьезный исследователь любого политического толка в любой стране мира так не считает. Вот что, например, пишет на этот счет американский историк Ричард Пайпс, который сам себя аттестует как «октябриста»: «Решения, принятые Николаем в августе 1915 года, сделали революцию практически неотвратимой». И несколько дальше: «К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, “спасти монархию от монарха”. Россия еще не знала такого единения, а двор – такой изоляции. И революция 1917 года стала неизбежной...» [28, с. 257, 277].

Революции не могут быть кем-то придуманы, не могут быть искусственно вызваны или организованы, даже самыми сильными личностями или партиями. Революции – это спонтанный и закономерный этап естественного процесса исторического развития. Этап, к сожалению, малоприятный, но объективно неизбежный. Князь П.А. Кропоткин как-то сказал о русской революции 1917 г.: «Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное – не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии... Все мы – я в том числе – подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1789, 1848, 1871 годов, все писания якобинцев, социалистов, политиканов, все успехи науки, промышленности, искусства и т.д.» [19, с. 196]. Отметим здесь лишь одну тонкость. Революции, как правильно замечает П. Кропоткин, не зависят от человеческой воли, но совершаются через человеческие действия, посредством воли. Эту объективную неизбежность, выражающую себя через субъективную форму, некоторые наблюдатели не замечают, и форма часто принимается ими за содержание. Более проницательные наблюдатели думают иначе. Приведу лишь слова Н.А. Бердяева, который как бы специально отвечает многим сегодняшним недоброжелателям русской революции и русской

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

общественной мысли: «Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой» [5, с. 226]. С этими словами, сказанными великим русским философом в конце жизни, можно лишь солидаризироваться.

Вместе с тем надо, наверное, ответить на вопрос, который сегодня муссируется среди некоторой части интеллигенции: что было бы с Россией, если бы не произошла или не удалась Русская революция? Думаю, что если бы в России в 1917 г. не совершилась революция и особенно ее октябрьский этап, Россия осталась бы слаборазвитой страной полукOLONиального типа с некоторым развитием крупной промышленности, с некоторыми элементами утонченной культуры узкого слоя населения, с глубокими корнями народной духовности, но и с малограмотной и нищей массой населения. Английский историк И. Дойчер пишет: «В эпоху последних Романовых великая империя была наполовину колонией. В руках западных держателей акций находилось 90% шахт России, 50% предприятий химической промышленности, свыше 40% металлургических и машиностроительных предприятий и 42% банковского капитала» [14, с. 170]. Примерно эти же цифры приводит и известный советский историк народного хозяйства П.И. Лященко. Иностранный капитал, непосредственно вложенный в отдельные отрасли, составлял к 1916–1917 гг.: горное дело – 91%, металлообработка – 42, текстильная промышленность – 28, химическая – 50, деревообработка – 37% [22, с. 380]. В 1914 г. внешний долг царской России, указывает Б.А. Хейфец, в 2,3 раза превышал внешний долг Индии и в 2,6 раза – Японии. «По размерам внешнего долга Россия была первой в мире» [36, с. 25]. Ясно, что Россия при этих условиях не могла бы и мечтать о месте второй сверхдержавы в мире.

Основной вопрос всей темы Великой российской революции состоит в выяснении того – сколько было революций: одна или две. В советский период утвердилось положение, что в феврале 1917 г. была буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года – пролетарская, социалистическая. Было как бы две революции. Это положение во многом сохранилось и до сего дня. Оно разделяет современное российское общество на две части: одни за буржуазную революцию, другие за социалистическую. Даже те, кто вообще отрицают значение и смысл русской революции, по сути дела принимают ее за социалистическую. Ибо не приемлют «социализм», под названием которого в XX в. сложился особый общественно-экономический строй в России. Но есть основания подвергнуть сомнению эту советскую

догму. Указанные этапы можно различать хронологически и исторически, но политэкономически они сливаются в один процесс.

Это была одна Великая Российская революция с двумя этапами 1917 г., а заключительный ее этап приходится на 1920 г. – год окончания гражданской войны. Разделение революции на две с противоположными характеристиками не выдерживает критики ни с теоретической, ни с эмпирической стороны. Теоретически совершенно ясно, что за восемь месяцев между февралем и октябрём капитализм в России не мог развиваться так, чтобы создать необходимые экономические предпосылки для социализма. Изучая же революцию эмпирически, понятно, что это была одна революция, но с двумя этапами. Сами участники и свидетели революции не превращали эти два этапа в принципиально различные революции. «Вся суть в том, – писал Л. Троцкий, – что Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции» [33, с. 24]. Это очень любопытная оговорка одного из ведущих деятелей большевистского руководства. Если Октябрьскую революцию трактовать как социалистическую, значит и Февральская, если она только оболочка, в существе своем была социалистической революцией. Но тогда – где и когда была буржуазная революция? Ведь не может же феодальное общество с фундаментом «первобытно-коммунистического характера» (по словам Ф. Энгельса) сразу перескочить к социалистической революции, пропустив буржуазную стадию развития.

Отказ от деления Русской революции 1917 г. на февральскую и октябрьскую как на две самостоятельные революции ведет к необходимости переосмысления утвердившихся представлений об их характере. Если мы имеем одну революцию, то, стало быть, сущность ее также едина. Возникает и другой вопрос. Если февральская революция была буржуазной, а с этим почти все согласны, то произошла она по общему правилу в начале становления капитализма, а не в конце. Значит, появляется проблема становления капитализма в России: был ли он и когда?

Известно, что формации за один год не образуются, это длительный процесс, занимающий столетия. Более того, капитализм после крестьянской реформы 1861 г. далеко не занял господствующего положения даже в промышленном секторе страны. Можно вполне утверждать, что всю вторую половину XIX в. экономические отношения даже в промышленности характеризовались полукрепостническим состоянием. Значит, период после Великой реформы 1861 г. ушел на то, чтобы сделать рабочих из крепостных действительными рабочими, продающими свою рабочую силу на свободном рынке труда.

Некоторые советские историки показали, что даже на промышленных предприятиях Урала к началу XX в. сохранялись некапиталистические уклады. Так, В.В. Адамов утверждал, что в этот период вся российская промышлен-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ленность была многоукладна, что лишь в конце XIX – начале XX в. в прессе и литературе был поднят вопрос «о путях и средствах ликвидации крепостнических порядков и реорганизации промышленности Урала на капиталистических началах» [2, с. 252]. Надо сказать, что в начале XX в. на Урале концентрировалась существенная доля национального промышленного производства. Так, в 1910 г. из 173 действующих железодельных предприятий страны 94 (или 54%) размещались на Урале. То есть более половины промышленных предприятий основного индустриального ядра (металлургия) даже в начале XX в. не были охвачены капиталистическими отношениями в точном и полном смысле этого слова.

У некоторых отечественных историков также можно обнаружить аналогичную позицию, но, что называется, читая между строк. Так, М.Я. Гефтер, анализируя дискуссию 1929 г. о финансовом капитале в России, отмечал, что в той дискуссии выяснялась внутренняя почва для появления «перезрелого капитализма» в стране, где, как пишет Гефтер, «еще не сложились окончательно или даже отсутствовали многие из основных условий для капитализма свободной конкуренции» [11, с. 85]. Однако такая позиция была редким исключением, к тому же глубоко замаскированным общепринятыми положениями и стандартными фразами. Известный французский историк Н. Верт по этому вопросу пишет: «Часто, вопреки собственным исследованиям, советские историки настойчиво утверждают, что отмена крепостного права, которую они называют “буржуазной реформой”, вызвала ускоренное развитие капитализма в деревне. Тем самым они лишь повторяют тезис Ленина, выдвинутый им в 1900 г. в работе “Развитие капитализма в России”. В действительности же, если принять во внимание те условия, при которых было уничтожено крепостное право, его отмена вовсе не способствовала развитию капитализма, а скорее укрепляла архаичные, можно сказать феодальные экономические структуры» [9, с. 13]. Думается, последнее утверждение французского историка малообоснованно. Все-таки, она их расшатывала. Но суть дела автор уловил верно: 1861 год еще не дал и не мог дать капитализма как господствующую форму производства в стране, хотя и открыл некоторую возможность такого развития.

Заметим, что нельзя говорить о господстве (не развитии, а именно господстве) капиталистического строя в России конца XIX в., не объяснив – куда девалась община. Ведь более 80% населения страны в начале XX в. составляло сельское население, и все или почти все это население было охвачено общинными и натуральными производственными отношениями. По имеющимся данным историков, 83,2% крестьянской земли в Европейской России в 1905 г. было в общинном пользовании. В этих условиях не было свободного товарного оборота земли и не было свободного рынка труда. Более того, как отмечают специалисты по аграрному вопросу России конца

XIX в., несмотря на ускорение замены отработочной ренты на денежную, что могло бы свидетельствовать о проникновении товарных отношений в сельскохозяйственное производство, замена эта была лишь номинальной.

Столыпинские реформы начали процесс капитализации деревни, но и он не был ни последователен, ни закончен. По общему мнению специалистов, эти реформы потерпели поражение. А. Анфимов на основе тщательного анализа делает такой вывод: «Официальные государственные акты позволяют высказать утверждение, что столыпинский вариант земельной реформы в России потерпел крушение еще при жизни Столыпина» [3, с. 133]. Другой крупный отечественный историк И.Д. Ковальченко, который, заметим, по вопросу капитализации аграрной сферы придерживался противоположной позиции, тем не менее, проанализировав все современные «мифы и реальности» столыпинской реформы, приходит к тому же самому выводу: «Проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до Первой мировой войны» [17, с. 485]. В связи с этим следует признать ничем не обоснованным и устаревшим мнение некоторых историков (как старых, так и новых), что «на основе столыпинской реформы ликвидируется поземельная община», высказанное еще в 1951 г. академиком Н.М. Дружининым. Это искусственное утверждение, как и многие другие такого же рода, высказывалось лишь с одной целью – показать или провозгласить (ибо доказать это было невозможно) высокую степень развития капиталистических отношений в России в начале XX в.

Итак, основное население страны жило в деревне и занималось сельским хозяйством, несмотря на бурное развитие промышленности. Некоторые историки упорно настаивают на утверждении, что и в аграрной сфере происходило интенсивное развитие капиталистических отношений. Действительно, такое развитие имело место. Однако показатели товарности крестьянского хозяйства свидетельствуют о преобладании натуральной формы производства. Так, известные историки-экономисты Н.Д. Кондратьев и П.И. Ляшенко дают примерно равный процент товарности сельскохозяйственной продукции в первом десятилетии XX в.: 33,3% [18, с. 101] и 26,0% [22, с. 279]. Причем последний автор отмечает, что середняки и бедняки, производя половину всего хлеба, давали лишь 14,7% его товарности. Иными словами, более 85% производства подавляющего большинства населения страны оказывалось натуральным. Анализ итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. позволил Л.Н. Литошенко сделать вывод, что «в Европейской России капиталистически организованные хозяйства занимали не более 10% общей посевной площади» [21, с. 102]. Это резко контрастирует с бездоказательными утверждениями историков советской поры, что к середине XIX в. у нас существовало крестьянское хозяйство, «которое уже в значительной мере втянулось в товарное производство». Дореволюционная русская деревня,

объединяющая абсолютное большинство населения страны и тем самым доминирующая во всех сферах русской жизни, была опутана не капиталистическими, а феодальными отношениями. И сегодня совершенно справедлив вывод П.И. Лященко, сделанный им еще более полувека назад: «Гвоздем аграрных отношений и через 40 лет после реформы, так же как и в 1861 г., оставалась борьба крестьянства против помещичьих латифундий» [22, с. 88].

Таким образом, говорить о глубоком проникновении капитализма в аграрный сектор дореволюционной России просто не приходится. Главная проблема в аграрной сфере состояла в малоземелье подавляющего числа крестьянских семей. То количество земли, которым владели крестьяне, не могло обеспечить их выживаемость. По имеющимся данным, в центральных губерниях России на крестьянский двор приходилось в среднем 7–8 десятин земли (1 десятина = 1,09 га). Тогда как для нормального воспроизводства крестьянского хозяйства нужно было в 2 раза больше, т.е. 14–15 десятин. Необходимость перераспределения земли, в первую очередь помещичьей, и составляла основную материальную предпосылку русской революции.

Если исходить из формулы, что капитализм в стране к началу XX в. был достаточно развит, то, видимо, преобладающим классом следует признать пролетариат. Между тем в России к 1917 г. преобладало крестьянство. Этот факт никто не подвергает сомнению. Реальную структуру трудящегося населения России в предреволюционную пору дает А.Г. Рашин [31, с. 171]. По его данным, в 1913 г. численность промышленных рабочих и служащих составляла 7 850 тыс., численность занятых на транспорте и связи – 1 400 тыс., сельскохозяйственных рабочих – 4 500 тыс., чернорабочих и поденщиков – 1 100 тыс., рабочих, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах – 865 тыс., численность разнообразной «прислуги» – 2 100 тыс. В целом получается 17 815 тыс. человек или, если принять все население России в 1913 г. за 159,2 млн, то все трудящиеся массы (кроме предпринимателей, хозяев и крестьян в том числе) составят немногим более 11% населения страны.

В этих исчислениях А. Рашина, которые, можно сказать, стали классическими и широко воспроизводятся многими исследователями, есть тем не менее серьезные изъяны. Так, А. Рашин указывает, что только рабочих промышленных предприятий в 1913 г. насчитывалось 2 120,8 тыс. человек, что составляло примерно 1,3% общей численности населения страны. Но это, по Рашину, касается только численности рабочих промышленности. Весьма сомнительно относить к пролетариату разнообразную прислугу в количестве 2 100 тыс., как и сельскохозяйственных рабочих (4 500 тыс.). В российских условиях это по сути дела те же крестьяне, которые в силу разных причин временно вынуждены работать по найму. Однако и у них есть свой крестьянский дом, свое хозяйство, крестьянская (в целом мелкобуржуазная), а не пролетарская идеология и психология. Таким образом, если даже очень грубо

очистить данные Рашина от явных натяжек (т.е. вычесть прислугу, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах, сельскохозяйственных рабочих), но оставить в его перечне «служащих» во всех остальных разрядах, ибо не представляется возможным их статистически вычлениить, то получаем общий итог в 10 350 тыс. человек, или 6,5% от всего населения. Таким образом, если брать только пролетариат в узком его значении, которое является и наиболее точным, т.е. рабочих фабрично-заводской промышленности, то на 1917 г. мы должны остановиться на цифре примерно в 3–4 млн человек.

Другими словами, пролетариата в точном смысле этого слова перед революцией 1917 г. в России было примерно 2–3% от всего населения страны. Здесь, правда, можно возразить, что в данном подсчете не учитываются члены семьи, что увеличило бы приводимую цифру как минимум в 2–3 раза. Однако нам представляется, что членов семьи, иждивенцев нельзя включать в общее число пролетариата (или шире – рабочего класса), ибо домашняя хозяйка и тем более дети и старики не являются носителями конституирующих признаков данного класса. Но даже если увеличить численность рабочих за счет взрослых членов семьи, то общий процент этого класса в любом случае не превысит 5–6% от всего населения страны.

К этому следует добавить, что даже этот ничтожный процент в большинстве своем охватывал рабочих, которые имели давние корни в деревне, не прервали своих связей с сельскохозяйственным производством, психологически были близки к мелкобуржуазной стратегии поведения, в целом разделяя буржуазные (точнее, мелкобуржуазные) идеологические стереотипы. В старой статистической, а также в новейшей исторической литературе этот вопрос, думается, уже основательно прояснен.

Таким образом, можно сделать вывод, что почти половина рабочих России в первой четверти XX в. стали таковыми лишь в первом поколении. Да и среди всех рабочих от 12 до 30% и более держали землю в целях сельскохозяйственного производства. Здесь уместно привести мнение отечественного историка Л.В. Милова о силе инерции крестьянского хозяйства в среде промышленных рабочих: «Если участие в промышленном труде позволяет непосредственному производителю не отрыватья от ведения крестьянского хозяйства, то он остается владельцем жизненных средств в их изначальной форме и отрабатывает в форме промышленного труда лишь свои феодальные повинности. Это классическая форма крепостного промышленного труда...» [23, с. 570]. Иными словами, до 30% промышленных рабочих в начале XX в. все еще не могли выбраться из пут феодальных отношений.

Современные исторические работы в целом подтверждают эти положения. Многие фабрично-заводские рабочие разных губерний в начале XX в. уходили на летние работы в село. И, согласно данным статистики, большинство рабочих все еще принадлежали к крестьянству «по социальному положению».

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

нию». Даже Р. Пайпс, в своей обычной манере переклестов, пишет: «В начале XX века промышленные рабочие в России представляли собой, за небольшим исключением, не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства» [28, с. 120]. Это, конечно, лишь частичная истина, но весьма характерная. Таким образом, в России к 1917 г. численность пролетариата была незначительной, и в существенной своей части он был или вчерашним крестьянином или имел тесные связи с аграрным сектором экономики.

Рассмотрим теперь еще одну мифологему советского времени, которая почему-то стала популярна сегодня среди некоторых писателей. В советский период нужно было идеологически оправдать социалистический характер Октябрьской революции и дальнейшее строительство социализма в экономически и культурно отсталой стране. Ведь с научной точки зрения делать социалистическую революцию, по сути, в феодальной стране, толком не прошедшей этап капиталистического развития, было бы невозможно. Вопрос таким образом сводился к определению степени развитости капитализма в России к 1917 г.

Оставим в стороне фантастический взгляд, что Россия в начале XX в. представляла собой мощно развивающуюся экономическую систему, которая входила в число пяти-семи ведущих стран капиталистического мира – взгляд, который активно развивался в начале 1990-х годов в основном в публицистике, но к науке никакого отношения не имеет. Этот взгляд был инспирирован конъюнктурным желанием ангажированных авторов того смутного времени привести хоть какое-нибудь серьезное обоснование в защиту идеологической позиции о ненужности, искусственности революции 1917 г. Мол, Россия и так прекрасно развивалась. Но этот взгляд полностью игнорирует все результаты социальных наук, полученные серьезными исследователями независимо от их политической ориентации.

Развитие экономики России в рассматриваемый период действительно было значительным, но еще не выводило страну в ряд высокоразвитых капиталистических стран. По среднедушевому доходу страна оставалась в разряде отсталых стран мира. Так, по данным известного американского исследователя П. Грегори, Россия в 1913 г. имела доход на душу населения, равнявшийся 50% немецкого и французского, 20 – английского и 15% американского. К 1913 г., продолжает П. Грегори, относительная позиция Российской империи ухудшилась из-за быстрого роста населения и сравнительно низких темпов роста объема производства между 1861 г. и 1880-ми годами. Он заключает: «Относительная отсталость экономики России очевидна» [13, с. 21]. Есть и более обобщенные данные. А.Г. Вишневский приводит темпы прироста валового национального продукта на душу населения за 1870–1913 гг. по основным странам. Так, среднегодовые темпы прироста были (в процентах):

Россия – 1,0; США – 2,2; Великобритания – 1,1; Германия – 1,6; Франция – 1,4; Италия – 0,7; Япония – 1,7. Россия, хотя и развивалась почти как западные страны, но по темпам прироста опережала только Италию. Поэтому вывод А.Г. Вишневого о том, что «в целом, несмотря на ускоренное промышленное развитие, преодолеть отрыв от западных стран не удавалось, возможно, он даже увеличивался» [10, с. 13], следует признать вполне убедительным. И в финансовом отношении, несмотря на знаменитую реформу С.Ю. Витте, Россия ничем похвастаться не могла. Утверждения некоторых авторов, что реформа С.Ю. Витте стала локомотивом «русского экономического чуда», несостоятельны. Реформа С.Ю. Витте не стала и не могла стать «локомотивом», ибо никакого чуда в действительности не было. При интенсивном экономическом развитии Россия была так же далека от передовых индустриальных стран Европы, как и в 1861 г. В стране не было собственного капитала для проведения индустриализации. В этом состояла основная проблема модернизации России и превращения ее в развитое капиталистическое (буржуазное) общество. «Российский капитализм» не смог преодолеть «наследие крепостничества и азиатчины», провести индустриализацию, создать крупное машинное производство и вывести страну из экономической отсталости. Россия в начале XX в. оставалась в ряду самых отсталых европейских стран. Значит, господствовали не капиталистические отношения, хотя они развивались, а отношения «крепостничества и азиатчины». Кстати говоря, эти отношения на российской почве оказались весьма устойчивыми и следы их удивительным образом сохранились до сего дня.

Однако главное – нельзя путать экономический рост и социальную форму этого роста, т.е. развитие производительных сил и развитие производственных отношений. Конечно, одно должно соответствовать другому и история это подтверждает. Но это соответствие не происходит автоматически с каждым шагом развития техники и технологии производства. Естественным образом производственные отношения более или менее отстают от своего материального базиса и соответствуют ему лишь в конечном счете. Поэтому следует признать грубой методологической ошибкой, когда показателем промышленного производства на душу населения определяют степень развитости капитализма.

При этом необходимо иметь в виду, что значительную долю национального дохода России в начале XX в. давало именно сельское хозяйство (не менее 50%), а на промышленность, строительство и транспорт – приходилось 35–36%. Иными словами, индустриальный сектор отнюдь не доминировал в дореволюционной России, и темпы его развития, временами значительные, не создавали в стране даже «среднеразвитого» капитализма. Экономика России была слабой, основная масса населения, занимаясь земледелием, жила впроголодь. И в этой связи уместно привести слова В.И. Ленина: «На этой

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непререваемо. Его никогда нельзя забывать» [20, т. 3, с. 14]. Это было написано Лениным в 1907 г., а через десять лет это положение большевики поспешили забыть, в том числе и сам Ленин.

В России революция произошла только в начале становления капитализма, слабая российская буржуазия была не в силах возглавить революцию. В результате революции власть оказалась в руках пролетарской, марксистской партии, которая и встала перед проблемой строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране. Как это можно было объяснить, не порывая с марксизмом? Ведь, согласно марксистской концепции, новый общественный строй может появиться лишь тогда, когда для него созреют необходимые материальные предпосылки. Это положение было постулатом всей социал-демократии, меньшевики постоянно подчеркивали его в дискуссиях с большевиками. На это противоречие как основное в понимании всей революции обратил внимание еще в 1920 г. П.Н. Милуков. В своей «Истории второй русской революции» он писал, что это противоречие по существу было противоречием «между научным и утопическим социализмом». «Умеренные течения социализма были убеждены в невозможности социалистического переворота и безусловно признавали необходимость идти вместе с “буржуазией”, но в то же время они не могли разорвать нитей, связывающих их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот. Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок» [24, с. 207]. Эта основная проблема русской революции сказывалась не только в тактике революционных партий 1917 г., но и после победы большевиков. Отсюда – многие трудности в научной интерпретации революции, в частности в определении ее характера. В наших головах прочно засела формула о социалистическом характере Русской революции, сформулированная еще первыми большевиками. Рассмотрим позицию В.И. Ленина по этому вопросу. Будучи ортодоксальным марксистом, он до самого Октября 1917 г. не говорил о социалистическом характере предстоящей революции. Если внимательно проанализировать знаменитые апрельские (1917) тезисы Ленина, то и здесь мы не найдем формулы социалистической революции. Более того, пункт 8 этих тезисов гласит: «Не “введение” социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь *к контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов». В наброске статьи в защиту апрельских тезисов Ленин еще раз специально подчеркивает: «Революция буржуазная в данной стадии. Поэтому не надо “социалистического эксперимента”». В «Письме о тактике», которое также входит в блок апрельских работ Ленина, он еще раз отмечает: «Я не только не “рассчитываю” на

“немедленное перерождение” нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого». И наконец, в докладе на апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) Ленин еще и еще раз подчеркивает: «Мы не можем стоять за то, чтобы социализм “вводить”, – это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать. Большинство населения в России – крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать» [20, т. 31, с. 91–92, 116, 123, 142, 357]. Таким образом, внимательное чтение апрельских работ Ленина 1917 г. и прежде всего «Тезисов» убеждает в неправильности утверждений «сталинской школы фальсификаций» о том, что Апрельские тезисы ориентировали партию на социалистическую революцию. Читаем Ленина дальше. В марте 1922 г. в речи на XI съезде партии он вдруг заявляет: «Наша задача – буржуазную революцию довести до конца» [20, т. 45, с. 107]. Эта речь на XI съезде очень характерна для уже, видимо, больного Ленина. Но эта же речь – одно из его последних принципиальных публичных выступлений. И оказывается, что через пять лет после революции буржуазная революция так и не закончена. Когда же была социалистическая?

Большевики в 1917 г. предложили обществу политическую тактику, которая была ближе всех остальных к потребностям того момента. Но стратегически политика «военного коммунизма», которая во многом была вызвана условиями хозяйственной разрухи и гражданской войны и в какой-то мере – идеологическими чаяниями большевиков, оказалась неприемлемой. От этой политики после окончания гражданской войны пришлось отказаться. Большевики очень не хотели переходить к НЭПу, для многих из них это был серьезный кризис. Известно, что Троцкий еще в 1920 г. предложил некоторые меры в духе НЭПа, но Ленин и другие целый год не могли решиться на этот переход. Однако объективные потребности экономического развития сделали НЭП неизбежным, даже вопреки идеологическим установкам большевиков. Поэтому Ленин говорил о НЭПе как отступлении, самотермидоризации. Теоретически неизбежность именно буржуазного развития, пусть и в своеобразной форме, была ясна, но большевики долго противились этому, хотя история принуждала их и последующих советских руководителей развивать рыночные и буржуазные отношения. Однако последовательно такая политика не проводилась – господствовала двойственность.

Еще в начале 1920-х годов это было отмечено в своеобразной концепции национал-большевизма. Н.В. Устрялов писал в 1922 г., что советская власть идет на уступки, компромисс с жизнью: «Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от “лозунгов социалистической революции”, твердо удерживая за собой политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры – “буржуазной” природы». Революционная Россия, писал Устрялов, «превра-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

щается по своему социальному существу в “буржуазную”, собственническую страну» [21, с. 139, 232]. Национал-большевизм никогда не был объявленной официальной идеологией в СССР, но был идеологией теневой. Ибо она была руководством (плохо осознанным или вовсе неосознанным) к практическим действиям, которые с большей или меньшей последовательностью осуществлялись весь советский период.

По многим характерным чертам общество, возникшее после революции, больше напоминало буржуазное, чем социалистическое. Многие, если не все экономические мероприятия советской власти были по своему характеру буржуазными. Под буржуазностью в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной и хозяйственной деятельности следовать принципам рационального экономического поведения. Буржуазность – это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по-старому – хозрасчет, доведенный до каждого человека. Но буржуазность – это не просто экономическая рациональность и эффективность, а рациональность возведенная в высший принцип существования, в религию. В условиях советского периода буржуазность не проявлялась, так сказать, в ее чистых формах. Она содержала много своеобразия, источником которого был, во-первых, неизбежный феодализм; индивидуализм не играл решающей роли. Во-вторых, советская идеология и социалистическая фразеология, которые официально осуждали и тормозили буржуазные, мещанские интенции. В реальной жизни эти последние, конечно же, доминировали.

Итак, буржуазные отношения начали формироваться еще в старой России и продолжились в советской. Это проявлялось в индустриализации, развитии хозрасчета, материальном стимулировании труда и т.д. Развитие экономики, повышение эффективности производства, стремление к рентабельности, всемерной экономии и рачительности в хозяйстве – все это есть проявление буржуазности данного способа производства. Ничего социалистического здесь нет. Индустриализация, например, есть необходимый элемент формирования и развития капиталистического способа производства, а не элемент посткапиталистического развития. В России же индустриализация происходила в 1930-е годы и только в результате ее страна перестала быть аграрной. Лишь в середине 1950-х годов городское население СССР превысило сельское, т.е. всего 60 лет назад страна стала урбанизированной. Именно в ходе и вследствие индустриализации получали развитие такие сугубо буржуазные отношения, как хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификация труда, ударничество, стахановское движение и т.п.

Это, конечно, еще не капитализм в его классической форме, но это господство своеобразных буржуазных отношений. Сложность состоит в том, что

правящая элита советского периода все это называла социализмом и это стало привычной формулой для многих. Поэтому практика постоянно сталкивалась с множеством противоречий: между материальным стимулированием труда и стремлением к равенству, между необходимостью прибыльного ведения хозяйства и решением социальных проблем, между социалистическими лозунгами и буржуазной действительностью. Но при сохранении буржуазного способа производства распределения по капиталу в СССР все-таки не было. Распределение осуществлялось частично по труду (буржуазность), частично по социальному статусу в бюрократической иерархии (феодалность). Поэтому отношения советского периода характеризовались двойственностью: с одной стороны, навязываемыми социалистическими ценностями и соответствующей ориентацией развития трудящихся. Отсюда высокий уровень образования и престиж интеллектуальных профессий. С другой стороны, в реальности люди все больше усваивали буржуазные отношения и ценности. Особенно ярко это стало проявляться в брежневские времена «застоя». Многие исследователи прямо пишут, как это делал, например, Л.И. Абалкин, что «социализма мы не построили и в условиях социалистического общества не жили» [1, с. 22]. Итак, Россия и в советский период не была полностью буржуазным обществом. Господствовала смесь буржуазной объективности, феодальных пережитков, социалистической фразеологии и интенций социального государства.

Все это не опровергает господства буржуазных экономических отношений. Никакая диктатура класса, партии или одного лица не в силах переломить ход истории. 100 лет развития своеобразного капитализма в России делают невозможным сегодня переход к классическому капитализму эпохи первоначального накопления капитала. Нельзя вернуться к тому, что пройдено историей. Требуется новое осмысление путей возможного развития страны.

Таким образом, Великая российская революция в целом носила буржуазно-демократический характер, включала несколько этапов, в том числе октябрьский. Она открыла дорогу для создания в России особого общественно-экономического строя, который с научной точки зрения социализмом назвать невозможно. Но именно этот строй превратил страну в мощную индустриальную державу, обеспечив победу над фашистской Германией и создав достаточно развитое социальное государство.

Библиография

1. Абалкин Л.И. Социализма мы не построили // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетей, 2011.
2. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1972.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

3. Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // «Исторические записки», Т. 65. М., 1959.
4. Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Институт российской истории РАН, 2002.
5. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991.
6. Бovyкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001.
7. Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: От новых источников к новому осмыслению. М.: Институт российской истории РАН, 1998.
8. Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М.: Наука, 1969.
9. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, 1992.
10. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
11. Гэфтер М.Я. Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1972.
12. Гиндин И.Ф. В.И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М.: Наука, 1970.
13. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
14. Дойчер И. Незавершенная революция. М.: Интер-Версо, 1991.
15. История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. М.: Наука, 1976.
16. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX в. // Кооперация. Страницы истории. Вып. 6. М.: ИЭ РАН, 1997.
17. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004.
18. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.
19. Кропоткин П.А. Что же делать? // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 1992.
20. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1–55. М.: Госполитиздат, 1960–1966.
21. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.
22. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1956.
23. Миллов Л.В. По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. М.: Наука, 2006.
24. Миллюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001.
25. Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М.: Наука, 1975.
26. Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? М.: Политиздат, 1991.
27. Пажитнов К.А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленно-сти // «Исторические записки». 1940. Вып. 7.
28. Пайпс Р. Русская революция. Часть 1. М.: РОССПЭН, 1994.
29. Пантин И.К. Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М.: Летний сад, 2015.

30. Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М.: Весь Мир, 2000.
31. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М.: Соцэкгиз, 1958.
32. Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М.: Наука, 1996.
33. Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1–2. М.: ТЕПРА; Республика, 1997.
34. Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1997.
35. Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.
36. Хейфец Б.А. Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика. М.: Экономика, 2003.
37. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М.: Высшая школа, 1982.

References

- Abalkin L.I. Socializma my ne postroili // Socializm posle socializma. Novyj intellektual'nyj vektor. Pod red. M.I. Voejkova. SPb.: Aletejja, 2011.
- Adamov V.V. Ob original'nom stroe i nekotoryh osobennostjah razvitiya gornozavodskoj promyshlennosti Urala // Voprosy istorii kapitalisticheskoy Rossii. Problema mnogoukladnosti. Sverdlovsk: Ural'skij gos. un-t im. A.M. Gor'kogo, 1972.
- Anfimov A.M. K voprosu o haraktere agrarnogo stroja Evropejskoj Rossii v nachale XX v. // «Istoricheskie zapiski», Т. 65. М., 1959.
- Anfimov A.M. P.A. Stolypin i rossijskoe krest'janstvo. М.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2002.
- Berdjaev N.A. Samopoznanie. М.: Kniga, 1991.
- Bovykin V.I. Finansovyj kapital v Rossii nakanune pervoj mirovoj vojny. М.: ROSSPJeN, 2001.
- Buharaev V.M., Ljukshin D.I. Krest'jane Rossii v 1917 godu. Pirrova pobeda «obshhinoj revoljucii» // 1917 god v sud'bah Rossii i mira. Oktjabr'skaja revoljucija: Ot novyh istochnikov k novomu osmysleniju. М.: Institut rossijskoj istorii RAN, 1998.
- Vajnshtejn A.L. Narodnyj dohod Rossii i SSSR. Istorija, metodologija ischislenija, dinamika. М.: Nauka, 1969.
- Vert N. Istorija sovet'skogo gosudarstva. 1900–1991. М.: Progress, 1992.
- Vishnevskij A.G. Serp i rubl'. Konservativnaja modernizacija v SSSR. М.: OGI, 1998.
- Gefter M.Ja. Mnogoukladnost' – harakteristika celogo // Voprosy istorii kapitalisticheskoy Rossii. Problema mnogoukladnosti. Sverdlovsk: Ural'skij gos. un-t im. A.M. Gor'kogo, 1972.
- Gindin I.F. V.I. Lenin ob obshhestvenno-jekonomicheskoy strukture i politicheskom stroe kapitalisticheskoy Rossii // V.I. Lenin o social'noj strukture i politicheskom stroe kapitalisticheskoy Rossii. М.: Nauka, 1970.
- Gregori P. Jekonomicheskij rost Rossijskoj imperii (konec XIX – nachalo XX v.). Novye podschety i ocenki. М.: ROSSPJeN, 2003.
- Dojcher I. Nezavershennaja revoljucija. М.: Inter-Verso, 1991.
- Istorija socialisticheskoy jekonomiki SSSR. Т. 1. Sovetskaja jekonomika v 1917–1920 gg. М.: Nauka, 1976.
- Kabanov V.V. Krest'janskaja obshhina i kooperacija v Rossii XX v. // Kooperacija. Stranicy istorii. Vyp. 6. М.: IJe RAN, 1997.
- Koval'chenko I.D. Agrarnyj stroj Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. М.: ROSSPJeN, 2004.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Kondrat'ev N.D. Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii. M.: Nauka, 1991.
- Kropotkin P.A. Chto zhe delat'? // Trudy komissii po nauchnomu naslediju P.A. Kropotkina. Vyp. 1. M.: IJe RAN, 1992.
- Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 1–55. M.: Gospolitizdat, 1960–1966.
- Litoshenko L.N. Socializacija zemli v Rossii. Novosibirsk, 2001.
- Ljashhenko P.I. Istorija narodnogo hozjajstva SSSR. T. II. M.: Gospolitizdat, 1956.
- Milov L.V. Po sledam ushedshih jepoh. Stat'i i zametki. M.: Nauka, 2006.
- Miljukov P.N. Istorija vtoroj russoj revoljucii. M.: ROSSPJeN, 2001.
- Minc L.E. Trudovye resursy SSSR. M.: Nauka, 1975.
- Okjabr' 1917: Velichajshee sobytie veka ili social'naja katastrofa? M.: Politizdat, 1991.
- Pazhitnov K.A. K voprosu o roli krepostnogo truda v doreformnoj promyshlennosti. «Istoricheskie zapiski». 1940. Vyp. 7.
- Pajps R. Russkaja revoljucija. Chast' 1. M.: ROSSPJeN, 1994.
- Pantin I.K. Russkaja revoljucija. Idei, ideologija, politicheskaja praktika. M.: Letnij sad, 2015.
- Plimak E.G., Pantin I.K. Drama rossijskih reform i revoljucij (sravnitel'no-politicheskij analiz). M.: Ves' Mir, 2000.
- Rashin A.G. Formirovanie rabocheho klassa Rossii. Istoriko-jekonomicheckie ocherki. M.: Sojkgiz, 1958.
- Rossija XIX–XX vv. Vzglyad zarubezhnyh istorikov. M.: Nauka, 1996.
- Trockij L.D. Istorija russoj revoljucii. T. 1–2. M.: TERRA; Respublika, 1997.
- Tugan-Baranovskij M.I. Izbrannoe. Russkaja fabrika v proshlom i nastojashhem. M.: Nauka, 1997.
- Ustrjalov N.V. Nacional-bol'shevizm. M.: Jeksno, 2003.
- Hejfec B.A. Kreditnaja istorija Rossii. Harakteristika suverennoho zaemshhika. M.: Jekonomika, 2003.
- Hromov P.A. Jekonomicheckaja istorija SSSR. Period promyshlennogo i monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii. – M.: Vysshaja shkola, 1982.